

УДК 124.52

**НОРМА КАК ФИЛОСОФСКАЯ
И СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**

Л.Г. Ефанова

Ефанова Лариса Георгиевна,
д-р филол. наук, профессор
кафедры русского языка как
инострannого Института ме-
ждународного образования и
языковой коммуникации Том-
ского политехнического уни-
верситета (Россия, 634050, г.
Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: efanova@tpu.ru

Актуальность исследования обусловлена универсальным характером категории нормы, ее значимостью для разных областей научного знания, которые изучают человека и общество с точки зрения активно развивающейся теории картины мира. Представляемый в данной теории образ мира во многих науках мыслится как нормативно организованный, поэтому задача построения целостной картины мира требует описания участвующих в его создании частных норм, а также изучения нормы как универсальной и обладающей несомненной значимостью для разных научных дисциплин категории. Цель данной статьи – отразить те моменты в истории изучения категории нормы, которые способ-

ствуют выявлению общих признаков у философской и семантической категории нормы, а также описать эти свойства и особенности их реализации в семантической категории нормы. В статье использован междисциплинарный подход к изучению нормы как семантической и общенаучной категории, ориентированный на изучение ее понятийных основ. Норма представляет собой общенаучную категорию, отражающую наиболее общие и значимые законы природы, общества и мышления. В результате анализа выяснено, что норма существует в двух разновидностях, объединенных общим основанием – сформировавшимися их представлениями о должном – и различающихся условиями возникновения и набором категориальных свойств. Один из этих типов нормы обладает свойствами идеала: он возникает на основании представлений человека о том, что является для него благом, и действует как основание оценки с этой точки зрения явлений окружающего мира и самого человека. Другой тип нормы обладает свойствами стереотипа: представления о нем формируются как результат взаимодействия человека с миром и используются в качестве средства измерения того, в какой степени предметы окружающего мира и сам человек соответствуют этим представлениям. Универсальный характер названных типов нормы подтверждается результатами философских исследований и данными языка.

Ключевые слова: норма, философская категория, семантическая категория, параметрическая норма, аксиологическая норма, категориальные свойства нормы.

На современном этапе развития научных исследований проблема нормы стала актуальной для разных областей гуманитарного знания. В частности, в последние годы в трудах по лингвистической семантике и когнитивистике нередко поднимается вопрос о содержании норм, отраженных в значениях языковых единиц, и об отношении этих норм к представлениям о должном, существующим во внеязыковой действительности [1–9].

Между тем среди научных определений нормы трудно найти такое, которое позволяло бы представить эту категорию в качестве объекта, который является общим для разных наук. Причина такого положения дел заключается в том, что в разных областях знания норма рассматривается с различных точек зрения, как того требует предмет каждой конкретной дисциплины [10. С. 118]. Вместе с тем именно универсальный характер нормы делает необходимым комплексное исследование этой категории и создает условия для преемственности в ее изучении представителями разных наук. Примером такой преемственности являются исследования нормы средствами философского и семантического анализа.

В философских исследованиях необходимость описания понятия нормы была осознана в то же время, что и проблема определения категорий. «Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать наблюдаемое» [11. С. 96]. Одним из необходимых этапов процесса категоризации является процедура определения для каждого класса объектов такого состояния, которое может быть принято в качестве нормы. Решение этой задачи с неизбежностью ставит перед исследователем вопрос о категориальной сущности нормы.

Первые известные нам попытки систематизировать категории, присутствующие в человеческом сознании, были предприняты в учении Платона об идеях и в сочинении Аристотеля о категориях. По мнению русских религиозных мыслителей, хотя понятие о категории (идея) нормы не было сформулировано в античной философии в явном виде, норма представлялась в ней как основа других категорий. В частности, В.Д. Кудрявцев-Платонов (1825–1891) полагал, что *идеи* отражают «то, что должно быть в предметах. Отсюда видно, что идея, как понятие, должна быть *нормальным* или точнее, – указывающим норму понятий *понятием*» [12. Т 1. Вып. 1. С. 28]. По мнению В.В. Зеньковского (1881–1962), Аристотель, развивая учение Платона об *идеях*, относил нормы к особого рода категориям – *формам*. «Идеи (или, по терминологии Аристотеля, «формы») суть *нормы* мира, они являются творческой силой, движущей отдельные вещи к норме ... и определяют его жизнь как ряд изменений, ведущих к осуществлению идеи» [13. С. 150].

В античных учениях о норме (а точнее – в том, как их трактуют русские философы) нам представляются особенно важными два момента: во-первых, идея двойственности нормы, проявившейся в наличии у нее идеальной формы и материального воплощения, и во-вторых, наличие у категории нормы, с одной стороны, качественных (содержательных) характеристик, а с другой – их материального воплощения, делающего возможным измерение их количества. В терминах современной науки античному учению об идеале (форме) соответствуют представления о содержании нормы, в то время как стремление античных философов установить степень достижения идеала реальными предметами (материальной основой мира) соотносимо с современными представлениями о количественной стороне нормы.

Дальнейшее развитие представление о норме как о двойственной категории в наибольшей степени получило в теории познания. В западной философии эта идея нашла отражение в теории И. Канта о ноуменах – всеобщих категориях, в которых человек осмысливает все воспринимаемое, а также в концепции Э. Гуссерля, развивавшего учение Платона об идеях [14–15], мыслях Г. Седжвика о различиях терминов «совершенство» и «превосходство» [16. Р. 5] и т. д. Среди русских философов более других проблеме двойственности нормы уделял внимание В.Д. Кудрявцев-Платонов, отметивший несоответствие «нашего познания с безотчетно понимаемой нормой... Перед этой нормой все наше познание на самом деле оказывается более или менее неудовлетворительным» [12. Т 1. Вып. 2. С. 42].

Русские религиозные философы полагали, что представление о норме как о должном, идеальном состоянии любого предмета связано не только с познанием, но лежит в основе всей оценочной деятельности человека. «Каждый сознает, что идеал есть сложившееся под влиянием ума представление фантазии о том, чем бы *должен быть* известный предмет», даже если этот предмет еще не существует в реальности [12. Т 2. Вып. 1. С. 118]. По мнению В.В. Зеньковского, из этого следует, что «истина о всякой вещи есть не только истина о том, что *есть*, но и о том, чем *должна быть данная вещь*» [13. С. 36]. В качестве примера философ приводит представления о здоровье человека.

Некоторые идеи В.Д. Кудрявцева-Платонова и В.В. Зеньковского получили развитие в трудах современных российских и зарубежных философов. Например, согласно точке зрения Г.Л. Тульчинского, любое знание включает в себя не только информацию об истинно существующем, но и сведения о том, что должно или необходимо [17. С. 34]. Парадоксальность понятия нормы была отмечена Э. Фроммом, полагавшим, что «нормальное» функционирование современного общества в действительности патологично, поскольку существующие в нем представления о среднестатистической норме находятся в противоречии с нормой как образцом здоровой психики [18. Р. 5, 8].

Русские христианские философы (В.Д. Кудрявцев, А.А. Козлов, кн. А. Трубецкой, В.В. Соловьев и др.) в учении о норме исходили из представления о Боге как о ее создателе. Это представление позволило им соединить учение об идеале с христианской теорией познания и применить идею нормы не только к человеку и его деятельности, но также к природе и всему окружающему миру. Христианская теория познания, опирающаяся на восходящее к словам апостола Павла учение о первородном грехе как о причине всеобщей поврежденности природы, позволила по-новому, по сравнению с античной философией, подойти к идее закономерности, выявив нормативное начало во всех формах земного бытия [13. С. 100]. В соответствии с этим

учением, вся оценочная деятельность человека является лишь реализацией заложенных в человека Богом способности к восприятию нормы и представлений об идеале. «Мысль об идеальной норме навязывается нам оценочной функцией духа, в силу чего разум непременно обращается к той норме, которая «просвечивает» в бытии в оценочной реакции нашего духа» [Там же].

Христианской идее о первичности нормы по отношению к оценке противостоит рационалистическая (материалистическая) теория нормы. В природе «по принципу материализма ... все может быть только нормальным, потому что все совершается по норме, по необходимым законам природы» [12. Т 1. Вып. 2. С. 130]. По этой причине материализм сосредоточен преимущественно на количественном аспекте нормы – мере и на оценке степени соответствия ей того или иного предмета.

Одним из первых связал идею нормы с категорией меры Б. Спиноза, введя в научный оборот понятие среднестатистического норматива как усредненной модели вида, в сравнении с которой оценивается тот или иной объект [19. С. 144]. Спиноза выделял в природе, с одной стороны, природу рождающую, задающую нормы, а с другой – природу сотворенную и в силу этого способную быть подвергнутой оцениванию с точки зрения нормы. Выделив в категории нормы наряду с идеальной стороной свойство типичности, Спиноза создал основания для того, чтобы рассматривать ее в качестве одной из разновидностей оценки. В стремлении избежать свойственной оценкам субъективности, Спиноза требовал от субъекта нормативной оценки следовать законам логики «с целью познать способность нашего понимания и так обуздывать дух, чтобы он *сообразно с указаниями нормы* [выделено мной – Л.Е.] понимал все, что подлежит пониманию, передавая ему как вспоможение известные правила» [20. С. 144]. Средством познания нормы становится в этом случае разум, который опирается на уже полученное знание: «разум природной своей силой создает себе умственные орудия, от которых обретает другие силы для других умственных работ, а от этих работ – другие орудия» [20. С. 329]. Тем не менее такая норма оказывается объективной лишь относительно, поскольку является производной от некоторого количества субъективных мнений.

В процессе развития рационалистического учения о норме эта категория стала представляться как разновидность рациональной оценки, отразившей сформировавшиеся в человеческом коллективе представления о должном или о стандарте для каждого класса объектов. В соответствии с этим подходом любая норма объективна в силу того, что в ней отражены преобладающие в данном обществе мнения о том, что следует считать нормальным.

Одним из результатов создания Б. Спинозой теории нормы-стандарта стало развитие философского учения об идеале. В соответствии с этим учением в границах нормы задаются пределы количественных изменений в объекте, в которых он сохраняет качество и способность служить благим целям. Сама норма при этом не является однородной, в ее границах свойства оцениваемого объекта могут проявляться в минимально возможной, оптимальной или максимально допустимой степени. Оптимальная степень проявления оцениваемого свойства называется также идеальной, или «золотой серединой».

Наряду с понятием нормы-идеала в современной философии используется также представление о норме как о средней величине, которая отражает массовую совокупность любых, в том числе и случайных явлений [21. Т. 3. С. 108]. В качестве непосредственного источника (создателя) идеала в этом случае называется концептуализирующая деятельность сознания при осмыслении действительности [17. С. 34].

В то время как философы были заняты поисками оснований нормативной оценки, в социологии, логике, языкознании, а также в прикладных науках разрабатывались критерии описания частных норм. В соответствии с областью применения стали выделяться социальные и языковые нормы, технические и медицинские стандарты и т. д. В XX в. наиболее детально была разработана теория функционирующих в обществе технических и социальных норм. Поэтому в логико-философских исследованиях под термином *норма* обычно понимают норму социальную. В наши дни в философии преобладает мнение о том, что нормы могут существовать лишь в связи с целями и нуждами человека, поэтому нормы отсутствуют в тех природных сферах, которые не связаны с деятельностью человека. С другой стороны, представления о норме обязательно должны быть связаны с понятиями о благе, или добре. Действия, направленные на

достижения не связанных с этими понятиями целей, должны оцениваться не с точки зрения нормы, а с других позиций [21. Т. 3. С. 108].

С названным подходом перекликается доминирующий в лингвистике последних десятилетий и пришедший на смену системоцентризму методологический принцип антропоцентризма как способ моделирования мира [22], в соответствии с которым «в центр научных теорий ставится человек, все свойства и категории языка и речи соотносятся с точкой зрения его носителя, выводятся из свойств и поведения человека» [23. С. 24]. Благодаря действию этого принципа лингвисты пришли к мнению о том, что «поскольку язык – орудие человека, большая часть слов любого человеческого языка антропоцентрична» [24]. В частности, именно по этой причине в качестве средства измерения величины предмета, обозначаемой при помощи параметрических прилагательных (*большой, маленький, высокий, тонкий* и т. д.), обычно используются представления о размерах человеческого тела [25. С. 648; 26. С. 37].

Исследуя главным образом социальные нормы, философы не могли не заметить того, что человек оценивает с точки зрения нормы и другие области бытия, в том числе и те, которые не связаны непосредственно с его деятельностью. Следствием этого стало осознание того, что норма должна рассматриваться как всеобщая познавательная категория и нуждается в соответствующей такому статусу дефиниции. Попытки сформулировать всеобъемлющее определение данной категории нашли отражение в словарях по философии, описывающих норму как «правило, которому подчиняется определенный процесс или его результат» [27. С. 218], как «предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом» [28. С. 584], и в то же время как «частный случай меры», как «установленный эталон, стандарт для оценки существующих и создания новых объектов» [21. С. 108]; «образец, правило для подражания, средняя величина» [29. С. 419]. Одновременно отмечается противоречивость такого понимания нормы, поскольку понятия образца и средней величины не всегда совпадают [Там же].

Между тем различия между нормой как средней величиной и нормой, принятой в качестве образца отчетливо прослеживаются в значениях языковых единиц, выражающих отношение к норме.

Впервые обратил внимание на способность языковых единиц выражать отношение к норме американский лингвист Э. Сепир [30]. Исследуя семантику параметрических (размерных) прилагательных, Сепир заметил, что семантическое различие между параметрическими прилагательными, составляющими антонимическую пару (напр.: *большой – маленький*), заключается в том отношении к норме, которое они выражают на шкале обозначаемого ими признака. Часть таких прилагательных имеет значение «больше нормы» (напр.: *высокий, толстый, широкий*), остальные же выражают значение «меньше нормы» (напр.: *низкий, тонкий, узкий*). Таким образом, общей для всех параметрических прилагательных является семантика нормы, с которой связаны представления о средней степени проявления признака (среднем размере). В то же время для обозначения соответствующих норме ситуаций параметрическая лексика не используется. Несколько позже западные, а затем и российские лингвисты обратили внимание на то, что оценочные прилагательные (напр.: *хороший – плохой, умный – глупый*) также выражают отношение к норме, но эта норма располагается не в центре шкалы измерения, но в той ее части, которая отражает представления носителей языка о благе. Благодаря этому обстоятельству слова *хороший, добрый, красивый*, обозначая высокую, по сравнению с нормой, степень проявления признака, указывают в то же самое время на соответствие норме [19. С. 66]. Выделенные типы нормы получили в русистике название *параметрической* и *аксиологической нормы*.

Различия между параметрической и аксиологической нормами наиболее очевидны при сопоставлении особенностей и степени проявления в них некоторых универсальных свойств нормы, выявленных в процессе социофилософского анализа данной категории. Среди самых актуальных для исследования семантической категории нормы признаков следует назвать:

1. *формальную определенность* (внешнюю завершенность), необходимую для того, чтобы норма была воспринята и понята людьми [31. С. 33; 32. Р. 71];
2. *распространенность* и *повторяемость* (регулярность возникновения) явлений, подлежащих нормативной оценке. Представления о нормах могут быть сформированы только по отношению к регулярно возникающим и достаточно часто повторяющимся ситуациям [33. С. 4; 10. С. 131];

3. *оптимальность*, выражающуюся в направленности норм на достижение благих целей. Благодаря этому свойству нормы могут быть использованы как регулярно действующее средство для оптимального решения повторяющихся задач [10. С. 137];
4. *мерный характер* нормы, ее способность выступать в качестве общего масштаба «измерения упорядочиваемых объектов» [10. С. 139], как «частный случай меры» [21. Т. 1. С. 108].

Мы полагаем, что перечисленные свойства присущи также и семантической категории нормы, но, в силу ее особенностей, проявляются в ней своеобразно.

1. *Формальная определенность* нормы проявляется при обозначении соответствующих ей положений дел с помощью специальных языковых единиц (напр.: *хороший, умный*).
2. *Распространенность* и *возобновляемость* явлений, подлежащих нормативной оценке, отражается в языке опосредованно и проявляется в степени частотности и количестве единиц (слов или устойчивых словосочетаний), выражающих то или иное отношение к данной норме. Вследствие этого в языке отношение к одной и той же норме может выражаться с помощью нескольких воспроизводимых единиц, обладающих сходным значением (напр.: *одаренный, гениальный, даровитый, способный, талантливый – бездарный, бесталанный, малоспособный, неталантливый*). В силу того, что не все нормы, отраженные в значениях языковых единиц, обладают формальной определенностью, распространенность и возобновляемость некоторых норм выражается в языке только за счет обозначения отклонений от этих норм в сторону их недостижения или превышения (напр.: *длинный – короткий*).
3. *Оптимальность* оцениваемого с точки зрения нормы явления подчеркивается при помощи разнообразных коннотаций – компонентов значения, отражающих сконцентрированное в национально-культурном опыте языковой общности положительное отношение к соответствующим норме ситуациям (напр.: *красивый, добрый, умница*) и негативную оценку аномалий (напр.: *недобор, перебрать*) [34].
4. *Мерный характер* семантической категории нормы реализуется в образовании так называемых скалярно-антонимических комплексов. Данный термин обозначает антонимическую пару, в составе которой один из антонимов обозначает недостижение нормы, а второй – ее превышение, самой же норме соответствует срединный участок мерной шкалы (напр.: *высокий – среднего роста – низкий, недосоливать – посоливать – пересоливать*). Названное свойство нормы проявляется также в существовании скалярных пар, один из членов которых обозначает нормальное положение дел, а другой – отклонение от нормы (напр.: *недочитать – прочитать*) [35. С. 16–20].

Различия между параметрической и аксиологической нормами определяются наличием или отсутствием у выражающих отношение к ним языковых единиц показателей соответствия каждому из перечисленных признаков, а также степенью и регулярностью их проявления. Обязательными свойствами *аксиологических норм* является формальная определенность, оптимальность и определенная степень распространенности и возобновляемости, поскольку соответствие этим нормам и отклонение от них обозначаются при помощи специальных языковых единиц, каждая из которых выражает положительное отношение говорящего к соответствующим норме ситуациям или отрицательную оценку аномалий (напр.: *прекрасный – уродливый*). В то же время аксиологические нормы, выступая в качестве средства оценки предмета, не могут служить средством измерения в нем количества признака. В языке это свойство норм данного типа проявляется, в частности, в том, что выражения наподобие *средних способностей* (кто-либо) или *не очень умный* выражают не среднюю степень обладания признаком, а отрицательную оценку несоответствия количества этого признака норме.

Параметрические нормы, как правило, не обладают формальной определенностью, и отношение к ним выражается в языке преимущественно за счет обозначения аномалий. Особенностью этих норм является то, что их конкретные параметры могут изменяться в зависимости от размерно-количественных характеристик объекта, например, сочетания *большое яблоко* и *большая планета* обозначают предметы несопоставимых размеров. Вместе с тем распространенность и возобновляемость присуща этим нормам не в меньшей степени, чем аксиологическим, поскольку отклонения от параметрических норм возможны не только в сторону их недостижения, но и в сторону превышения, и каждый из этих случаев может быть квалифицирован с позиций нормы. В отличие от аксиологических, параметрические нормы используются преимущественно

в качестве средства измерения, а не оценки. Оптимальность, будучи обязательным свойством аксиологических норм, содержанием которых является определение ценности того или иного предмета (напр.: *добрый, красивый, умелый*), у параметрических норм проявляется нерегулярно, поскольку количество и качество предмета не связаны друг с другом непосредственно [6].

Исследования нормы в философской теории познания и лексической семантике дают основание признать ее общенаучной категорией, в которой отражены наиболее общие и существенные законы природы, общества и мышления [36. С. 237]. Вместе с тем результаты этого анализа дают основание для выводов о существовании двух типов (или двух ипостасей) категории нормы, объединенных общим основанием – сформировавшимися оба эти типа норм представлениями о должном – и различающихся условиями возникновения и набором категориальных свойств. Один из этих типов нормы обладает свойствами идеала: он возникает на основании представлений человека о том, что является для него благом, и действует как основание оценки с этой точки зрения явлений окружающего мира и самого человека. Другой тип нормы обладает свойствами стереотипа: представления о нем формируются как результат взаимодействия человека с миром и используются в качестве средства измерения того, в какой степени предметы окружающего мира и сам человек соответствуют этим представлениям. Универсальный характер названных типов нормы подтверждается результатами философских исследований и данными языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урысон Е.В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики // Слово в тексте и в словаре: сборник статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М., 2000. – С. 243–252.
2. Кронгауз М.А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М., 2004. – С. 137–141.
3. Урысон Е.В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии // Слово и язык: сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. – М., 2011. – С. 347–356.
4. Федяева Н.Д. Приветствие как объект нормативных оценок // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2. – С. 376–379.
5. Федяева Н.Д. Норма в кругу когнитивных феноменов // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции 5–7 октября 2011 г. / под ред. И.Ю. Колесова. – Барнаул, 2012. – С. 362–364.
6. Ефанова Л.Г. К вопросу о параметрических нормах // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 22–31.
7. Ефанова Л.Г. Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 101–106.
8. Ефанова Л.Г. Норма результативности действия и особенности ее выражения в семантике языковых единиц // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 3 (131). – С. 129–133.
9. Ефанова Л.Г. Норма количества статического или динамического признака лица как фрагмент функционально-семантического поля нормы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 79–82.
10. Урванцев Б.А. Порядок и нормы. – М.: Изд-во стандартов, 1991. – 240 с.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
12. Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения: в 3 т. – Сергиев посад: Издание Братства Преподобного Сергия, 1893–1894.
13. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М.: Канон, 1997. – 560 с.
14. Kaehler Klaus Erich. Das Bewußtsein und seine Phänomene: Leibniz, Kant und Husserl // R. Cristin / K. Sakai (Hgg.): Phänomenologie und Leibniz. – Freiburg / München 2000. – P. 42–74.
15. Келер К. Сознание и его феномены: Лейбниц, Кант и Гуссерль // Horizon. Феноменологические исследования. – 2014. – Т. 3 (1). – С. 169–190.

16. Sidgwick H. The Methods of Ethics. Copyright. – URL: <http://www.earlymoderntexts.com/pdfs/sidgwick1874.pdf> (дата обращения: 05.12. 2014).
17. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.С. Уварова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 415 с.
18. Reclaiming the Sane Society. Essays on Erich Fromm's Thought / Seyed Javad Miri, Robert Lake and Tricia M. Kress (Eds.). – Rotterdam / Boston / Taipei: Sense Publisher, 2014. – 30 p.
19. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
20. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Госполитиздат. – Т. 1. – 1957. – 760 с.
21. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина и др. – М.: Мысль, 2001.
22. Резанова З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – Т. 305. – Вып. 4. – С. 74–83.
23. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
24. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 488 с.
25. Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры». – Т. 1. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 1995. – 767 с.
26. Воротников Ю.Л. Безотносительные степени качества в русском языке // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59. – № 1. – С. 36–43.
27. Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга и И.К. Пантина. – М.: Политиздат, 1982. – 432 с.
28. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
29. Новейший философский словарь / под ред. А.П. Ярещенко. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 672 с.
30. Sapir E. Grading: A Study in Semantics. // Philosophy of Science. – 1944. – № 11. – P. 93–116.
31. Дробницкий О. Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. – 1972. – № 2. – С. 32–42.
32. Schaefer R., Lamm R. P. Sociology. - New York: McGraw-Hill Book, 1989. – 694 p.
33. Popitz H. Die normative Konstruktion von Gesellschaft. – Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1980. – 92 p.
34. Дронова Л.П. Общая положительная оценка и норма: диахронический аспект // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – Вып. 1. – С. 6–10.
35. Ефанова Л.Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. – 220 с.
36. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

REFERENCES

1. Uryison E.V. Ponyatie normyi v metazyazyike sovremennoy semantiki [The idea of norm in meta-language of modern semantics] Slovo v tekste i v slovare: sbornik statey (Word in the text and in the dictionary: collected articles). Moscow, 2000, pp. 243–252.
2. Krongauz M.A. Norma: semanticheskiy i pragmaticheskiy aspektyi [The norm: semantic and pragmatic aspects] Sokrovennyie smyislyi: Slovo. Tekst. Kultura: sbornik statey v chest N.D. Arutyunovoy. (Concealed senses: Word. Text. Culture: collected articles in honor of N.D. Arutyunova). Moscow, 2004, pp. 137–141.
3. Uryison E.V. Norma, obrazets, standart, etalon, shablon: zametki o polisemii [Norm, specimen, model, standard, templet: notes about polysemy] Slovo i yazyik: sbornik statey k vosmidesyatiletiiyu Yu.D. Apresyana (Word in the language: collected articles in honor of Yu.D. Apresyan). Moscow, 2011, pp. 347–356.
4. Fedyayeva N.D. Privetstvie kak ob'ekt normativnyih otsenok [Greeting as an object of normative estimations] Vestnik Omskogo universiteta, 2012, no. 2, pp. 376–379.
5. Fedyayeva N.D. Norma v krugu kognitivnyih fenomenov [The norm in the circle of cognitive phenomenons] Funktsionalno-kognitivnyiy analiz yazykovyih edinit i ego aplikativnyiy potentsial : materialyi I mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Functional and cognitive analyses of language units. Proc. 1st Int. Scien. Symp.). Barnaul, 2012, 5–7 Oct. 2011, pp. 362–364.

6. Efanova L.G. K voprosu o parametriceskih normah [To the question about parametric norms] Tomsk State University. Journal of Philology. 2013, no. 1 (21), pp. 22–31.
7. Efanova L.G. Sub'ekt normativnoy otsenki, vyirazhaemoy semantikoy yazykovyih edinits, kak nositel natsionalnoy yazykovoy kartiny mira [Subject of normative estimation in semantics of language units as an exponent of national language picture of the word] Sibirskiy filologicheskiy zhurnal, 2013, no. 1, pp. 101–106.
8. Efanova L.G. Norma rezultativnosti deystviya i osobennosti ee vyirazheniya v semantike yazykovyih edinits [The norm of effectivity of the action and peculiarities of it expressing in semantics of language units] Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2013, no. 3 (131), pp. 129–133.
9. Efanova L.G. Norma kolichestva staticheskogo ili dinamicheskogo priznaka litsa kak fragment funktsionalno-semanticheskogo polya normyi [The norm of quantity of static or dynamic characteristic of the person as a fragment of functionalsemantic norm field...] Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya, 2013, no. 1, pp. 79–82.
10. Urvantsev B.A. Poryadok i normyi [The order and norms]. Moscow, Izdatelstvo Standartov Publ., 1991, 240 p.
11. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke [Language and knowledge: on the track of receipt of the knowledge about language]. Moscow, Yazyiki slavyanskoy kulturyi Publ., 2004. 560 p.
12. Kudryavtsev-Platonov V.D. Sochineniya [Works]. Vol. 1–3. Sergiev posad: Izdanie Bratstva Prepodobnogo Sergiya, 1893–1894.
13. Zenkovskiy V.V. Osnovy hristianskoy filosofii [Principles of Christian philosophy]. Moscow, Kanon Publ., 1997. 560 p.
14. Kaehler Klaus Erich. Das Bewußtsein und seine Phänomene: Leibniz, Kant und Husserl. R. Cristin /K. Sakai (Hgg.): Phänomenologie und Leibniz. Freiburg / München 2000, pp. 42–74.
15. Kaehler K. Soznanie i ego fenomenyi: Leybnits, Kant i Gusserl [Mind and its' phenomena] Horizon. Studies in Phenomenology, 2014, vol. 3 (1), pp. 169–190.
16. Sidgwick H. The Methods of Ethics. Copyright. Available at <http://www.earlymoderntexts.com/pdfs/sidgwick1874.pdf> (accessed 5 December 2014).
17. Tulchinskiy G.L., Uvarov M.S. Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov [Perspectives of metaphysics: classical and unclassical metaphysics on the border of centuries]. Sanct-Peterburg, Aleteyya Publ., 2000, 415 p.
18. Reclaiming the Sane Society. Essays on Erich Fromm's Thought / Seyed Javad Miri, Robert Lake and Tricia M. Kress (Eds.). Rotterdam / Boston / Taipei, Sense Publisher, 2014. 30 p.
19. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [The language and the world of the man]. Moscow, Yazyiki russkoy kulturyi Publ., 1999, 896 p.
20. Spinoza B. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Vol. 1–2. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. vol. 1, 760 p.
21. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopaedia]. Vol. 1–4. Moscow, Myisl Publ., 2001.
22. Rezanova Z.I. Metafora v processah miromodelirovaniya v yazyke i tekste [The Metaphor in processes of world-modeling in language and text]. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 2002, vol. 305, no. 4, pp. 74–83.
23. Matveeva T.V. Polniy slovar lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-na-Donu, Fenix Publ., 2010, 562 p.
24. Apresyan Y.D., Uryison E.V. and oth. Novyy ob'yasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka [The new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Vol. 2. Moscow, Yazyiki russkoy kulturyi Publ., 2000. 488 p.
25. Apresyan Y.D. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and the system lexicography]. Moscow, Shkola "Yazyiki russkoy kulturyi" Publ., 1995. 767 p.
26. Vorotnikov Y.L. Bezotnositelnyye stepeni kachestva v russkom yazyke [Irrelative degrees of the quality in Russian language]. Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 2000, vol. 59, no. 1, pp. 36–43.

27. Kratkiy slovar po filosofii [The short dictionary on philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 432 p.
28. Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar [The philosophy: encyclopaedia]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p.
29. Noveyshiy filosofskiy slovar [The most new philosophical dictionary]. Rostov-na-Donu, Fenix, 2005. 672 p.
30. Sapir E. Grading: A Study in Semantics. Philosophy of Science. 1944, no 11, pp. 93–116.
31. Drobnitskiy O. G. Moralnoe soznanie i ego struktura [Moral consciousness and its structure]. Voprosyi filosofii, 1972, no. 2, pp. 32–42.
32. Schaefer R., Lamm R. P. Sociology. New York, McGraw-Hill Book, 1989. 694 p.
33. Popitz H. Die normative Konstruktion von Gesellschaft. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1980. 92 p.
34. Dronova L.P. Obschaya polozhitel'naya otsenka i norma: diahronicheskiy aspekt [General positive evaluation and norm: diachronic aspect // Tomsk State University. Journal of Philology. 2012, no. 1, pp. 6–10.
35. Efanova L.G. Semanticheskaya kategoriya normyi v aspekte strukturnyih sostavlyayuschih normativnoy otsenki [The semantic category of norm in aspect of structure of normative estimation]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2012. 220 pp.
36. Filosofskiy slovar [The philosophical dictionary]. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p.

Поступила 13.03.2015 г.